

— О, как здесь оживленно! Похоже, я не вовремя, — раздался звучный, бархатистый голос Чу Шэчжи за дверью. Он дважды постучал веером по распахнутой створке и, не дожидаясь приглашения, вошел внутрь. — Ну и ну, маленький монах, сам развлекаешь барышню, а меня подсунул её отцу. Не слишком-то по-товарищески, не находишь?

Услышав слово отец, Чжао Цзинжоу слегка изменилась в лице, но, заметив присутствующих, сдержанно улыбнулась:

— Мой отец... он не стал тебя затруднять?

Чу Шэчжи прекрасно понимал, что в поместье Маркиза, Усмиряющего Север, шпионы на каждом шагу, поэтому не стал обсуждать с ней Вэй Минцзюэ:

— Я человек простой, какой смысл Маркизу меня затруднять? Мы просто немного обменялись ударами. — Он повернулся в мою сторону: — Маркиз также передал, что нам стоит погостить здесь несколько дней.

Я еще не успел поднять головы, как Чжао Цзинжоу воскликнула:

— Что? Он...

— Похоже, мне и господину Чу выпала честь разделить милость Малого вана, — неторопливо прервал я её. — Раз уж так вышло, нам не остается ничего иного, как проявить покорность.

Чжао Цзинжоу резко обернулась ко мне:

— Но ведь...

Я безмятежно улыбнулся ей:

— Если сегодня вечером увидишься с Малым ваном, передай ему, пожалуйста, мои слова: Небесный гром разит дальнее древо, цветы и травы увядают, человек уходит прочь.

Выражение лица Чжао Цзинжоу стало растерянным:

— ...И что это значит?

— Всего лишь одна не слишком важная загадка, — я поднялся. — Господин Чу, полагаю, у вас есть ко мне дело? Пойдемте.

— Мне показалось, или ты, Цзюцзянь, относишься к Цзинжоу как-то иначе? — Чу Шэчжи

погладил подбородок. — А ведь она, кажется, тебя совсем не знает.

Я бросил на него быстрый взгляд:

— Ты что, ревнуешь к монаху?

— Нет-нет, — Чу Шэчжи замахал руками. — О ревности речи нет, просто любопытно. Это ощущение появилось у меня еще тогда, когда ты защищал её от моих нападок, а сейчас, когда вы были вместе, оно стало еще отчетливее. Между вами есть какая-то странная связь — не любовь, но нечто весьма тонкое.

Его интуиция оказалась пугающе точной! Внутри у меня всё сжалось, но внешне я остался невозмутим:

— Говоришь так, будто видел меня с другими барышнями. Форма — это пустота, пустота — это форма, монах не нарушит своих обетов.

Чу Шэчжи, видимо, нашел мои слова забавными; он дважды взмахнул веером, усмехнулся и понизил голос:

— Я решил сегодня ночью выбраться из поместья и всё разведать.

— Уже выбрал направление? — спросил я.

— У Маркиза есть управляющий, который часто выезжает за покупками по вечерам. Многие говорят, что он наживается на казенных деньгах, подменяя товары, но его кто-то постоянно выгораживает. Думаю, с этим человеком не всё чисто, решусь проследить за ним. — Чу Шэчжи смотрел вперед, быстро отдавая распоряжения: — Попрошу тебя, Цзюцзянь, создать видимость, что я всё это время был в поместье. Ты ведь тоже у них на прицеле, будь осторожен.

Я рассказал ему всё, что узнал от Тянь Кэ-эр:

— Полагаю, силы, стоящие за Порошком Высшего Блаженства, связаны с торговлей людьми. Тянь Кэ-эр не исключение. Чтобы охватить дома столько чиновников, недостаточно просто отбирать служанок.

В глазах Чу Шэчжи вспыхнул гнев, но он сдержался:

— Ты хочешь сказать, что этот управляющий скорее занимается вербовкой и отбором людей?

Я кивнул:

— На их месте я бы не стал выставлять тех, кто напрямую управляет Порошком, напоказ.

— Я понял.

Оставшись в Обители Лотоса, я поставил чайник и разложил шахматную доску, чтобы сыграть партию самому с собой.

В неверном свете лампы зашевелились тени, и в комнате раздался голос второго человека:

— Ваше Высочество, прикажете спасти Малого вана?

Я протянул вошедшему белую фигуру:

— Не нужно. Чжао Уцзи не станет лишать его жизни. Садись, составь мне компанию.

— Слушаюсь. — Человек почтительно опустил ся напротив. — Чжао Уцзи действительно давно вынашивает предательские замыслы. Ваше Высочество, берегите себя, позвольте мне немедленно увезти вас отсюда.

— Сейчас я лишь довесок, который они захватили вместе с Вэй Минцзюэ. Если я уйду, они сразу заподозрят неладное. — Я первым сделал ход черными. — К тому же, раз уж я вступил в игру, как я могу отступить без боя?

Собеседник в нерешительности опустил белую фигуру:

— Император всё ждет вашего возвращения. Теперь, когда клика Ло Шуюня устранена, мы нашли вас. Если здесь что-то случится, я не смогу искупить свою вину даже смертью.

— Ты предлагаешь мне оставить стабильность Северо-Запада на попечение одного лишь бродячего воина? — холодно спросил я. — У него нет обязательств заниматься этим, да и в дела чиновников он лезть не хочет. Маркиза можно устранить, но границы кто-то должен контролировать, да и заказчик до сих пор не найден. Если пустить всё на самотек, даже если я вернусь, с каким лицом я буду восстанавливать свои права как члена императорской семьи?

— Простите мою близорукость, Ваше Высочество!

— Не вставай на колени, мне нужна твоя тень. — Я поднял руку, останавливая его. — Ночь долгая, продолжай игру.

— Ваше Высочество, этот Чу Шэчжи обладает глубокой внутренней энергией, его мастерство превосходит моё. Пока он здесь, я не смею приближаться, чтобы не выдать вас. Пожалуйста,

берегите себя, не подвергайте себя опасности.

— Опасности? — я усмехнулся. — Эта комната и есть опасность, я уже в ловушке.

— Что? Здесь есть тайная комната?

— Скорее, это темница. — Я кивнул в сторону окна, за которым виднелся пруд с лотосами. — Если уж они смогли вырыть пруд, почему бы не выкопать его глубже?

— Я немедленно велю осмотреть дно пруда! — сказал человек. — Но до тех пор, Ваше Высочество, ни в коем случае не открывайте тайный ход!

— Распорядись, но сам не оставайся здесь. — Я прикинул время: — Мне нужно, чтобы ты лично связался с генералом Ли. Сигналом послужит пожар в поместье Маркиза. Как только я дам приказ, немедленно берите под стражу его детей и личную гвардию, назначьте замену градоначальнику, чтобы предотвратить мятеж на границе. Что касается Павильона Ветров и Облаков... — на моих губах появилась горькая усмешка, — ...дела цзянху пусть решаются в цзянху.

— Ваше Высочество, если Император узнает, что Вэй Буфань посмел посягнуть на вас, он придет в ярость. Тогда армия двинется на них, стоит ли бояться какого-то Павильона?

— Именно поэтому он не должен узнать об этом сейчас. — Я вспомнил Чу Шэчжи, Чжао Цзинжоу, Шаолинь и Эмэй и тихо вздохнул: — В цзянху много прекрасных людей, но есть и те, кто не вызывает симпатии. Если императорская власть пойдет против цзянху, проблем станет гораздо больше. Ученые рушат закон своими рассуждениями, а воины — силой. Останется ли цзянху собой после того, как его «приведут в порядок»? Не знаю. Но если оставить всё как есть, в будущем здесь случится великая смута.

— Цзянху действительно трудно подчинить. На самом деле, нынешний баланс — результат многолетних усилий двора. Вы еще не вернулись ко двору, Ваше Высочество, об этом можно подумать позже.

— Ты всё еще не понимаешь, — я покачал головой. — Если опрометчиво вмешаться от имени императорской семьи, это вызовет огромное сопротивление и оттолкнет даже тех, кто держал нейтралитет. Это худшая стратегия из возможных.

— Я понял. Вы хотите действовать под именем Цзюцзяня...

— Думаешь, я жажду этой неблагодарной работы? Если бы в цзянху все были такими, как Чу Шэчжи, кто бы стал мешать им искать свободу? Но большинство не довольствуется этим. Сговоры сект с придворными кликами — дело не новое, но они не должны были трогать Порошок Высшего Блаженства. Трагедия прежней династии до сих пор стоит перед глазами.

Если не вырвать с корнем всех, кто замешан в этой ядовитой сети, гибель государства будет не за горами.

Собеседник внезапно прислушался:

— В западной части поместья, кажется, какое-то движение.

Я нахмурился:

— Можешь определить направление?

— Простите, я лишь слышу множество шагов, но это далеко.

— Возможно, Вэй Минцзюэ понял мой намек. — Я взглянул на доску: — Я победил.

Его мысли были заняты другим, так что победа далась мне легко. Я приоткрыл окно:

— Чу Шэчжи скоро вернется, уходи.

— Я же говорила тебе — убирайся отсюда, глупец! — Чжао Цзинжоу, одетая в ночной наряд, просунула сквозь щель в окне сверток с пирожными в промасленной бумаге и флягу с водой. — Не ешь ничего, что он тебе дает. Он не отравит тебя насмерть, но может подмешать что-то, к чему ты привыкнешь.

Вэй Минцзюэ понуро опустил голову, его голос охрип от жажды:

— Учитель... почему он стал таким?

— Ох, Вэй-дурачок, — прошептала Чжао Цзинжоу через стену. — Люди меняются.

— Ты знаешь, почему я называю Императора дядей, хотя он приходится мне дядей по матери? — Вэй Минцзюэ не ждал ответа. — Потому что мой отец при жизни был лучшим другом Императора и Учителя. В молодости отец был так хорош собой, что Император часто шутил, мол, он пришел в дом невесты. После смерти отца Император велел мне звать его дядей, а не по отцу, давая понять, что я ничем не отличаюсь от детей семьи Шэнь. Столько лет он так и поступал.

— Я знаю, власть меняет людей, но всё же верю, что как бы человек ни изменился, прежние чувства остаются в сердце. — Голос Вэй Минцзюэ дрогнул. — Я сложил полномочия и ушел в цзянху не только чтобы избежать беды. Я правда не люблю интриги Шанцзина. Император старался оградить меня от этого. Возможно, в этом был расчет, но его забота была искренней.

Я порой боюсь его, но искренне уважаю. Если Учитель хочет использовать меня, чтобы навредить Императору, я лучше умру.

— ... — Чжао Цзинжоу молча слушала его. — Выпей воды, голос у тебя ужасный.

— О моем отце я знаю не больше тебя. — Она прислонилась к стене, глядя на луну. — Я почти не помню детства, но смутно припоминаю, что после смерти матери он сильно поссорился с Его Величеством. Возможно, с тех пор всё изменилось.

Вэй Минцзюэ немного успокоился, выпив воды:

— Твоя мать? Разве она не умерла от болезни?

— Нет, её отравили, — ответила Чжао Цзинжоу. — Мы тогда еще не покинули Шанцзин. Мать часто брала меня во дворец играть с Шестым принцем. В моей шкатулке до сих пор хранится жемчужина размером с кулак, которую подарила мне тогда императрица Ли. Помню, мы вместе обедали, и вдруг мать начала харкать кровью.

Вэй Минцзюэ встрепнулся:

— Неужели... это связано с Шестым принцем?

— Возможно. Я была слишком мала, только плакала. Помню, как мать и Шестого принца унесли, потом она вернулась, но через несколько дней умерла.

— Судя по словам Учителя, он затаил на того Шестого принца большую обиду, возможно, из-за этого, — Вэй Минцзюэ схватился за голову. — Какой смысл думать об этом? Я даже не видел этого Шестого принца.

Чжао Цзинжоу сказала:

— Это всё, что я знаю о прошлом. Потерпи еще немного, Чу Шэчжи, Цзюцзянь и я — мы что-нибудь придумаем, чтобы вытащить тебя.

Вэй Минцзюэ широко открыл глаза:

— А что с Цзюцзянем?

— С ним всё хорошо. Он просил передать тебе слова: Небесный гром разит дальнее древо, цветы и травы увядают, человек уходит прочь.

Вэй Минцзюэ не понял смысла:

— Он сказал, что это значит?

— Загадка, — Чжао Цзинжоу зорко огляделась: кто-то приближался. — Плохо, я слишком долго здесь задержалась. Береги себя, я ухожу!

— Небесный гром разит дальнее древо... древо — фэн, первая часть — фэй. — Вэй Минцзюэ был мастером разгадывать загадки. — Цветы и травы увядают, человек уходит — вторая часть — ци.

— Фэй-ци? — он почесал затылок. — Что это значит?

<http://bllate.org/book/22245/2325292>